

Пролог

Чем долго тлеть, в треть
Сократить и... сгореть —
Пусть молодой,
Сверхновой звездой!

«В большинстве мы влачим свое существование, лишь по назначению-долгу провоцируемы на поступки, выходящие за рамки повседневности.

И совсем мало кто из нас хоть раз становился лицом к лицу с безжалостным временем, бросая вызов — ему, себе, судьбе, бросая шарик на стол рулетки, что скачет, прыгает с поля “жизнь” случайностей и перемен, на поле “смерть” неотвратимости и конца.

Игра на “жизнь” и на “смерть”. Игра?»

Старый, уставший от жизни, смертельно больной человек подошел к окну, размытому расплывающейся пленкой воды... глядя...

Ливень неистовствовал. Серые струи низвергались с тяжелого хмурого неба, смывая накопившуюся за лето пыль, что теперь собиралась мутными лужами, уходя грязевыми потоками в ливневку.

Воображение искало в этом символичность, казалось, будто это очищающий дождь... чистилище — для столицы советской империи, для всей страны. От ошибок и заблуждений, извечных и неистребимых грехов человеческих (где оно светлое коммунистическое? Ау!).

— Вправе ли мы наказывать за еще несовершенное? — вопрос пришел из-за спины.

Юрий Владимирович Андропов отвернулся от окна, очки вдруг запотели, и он тщательно их протирал носовым платком, прежде чем ответить:

— Константин Устинович, дорогой, предательство как зараза поселилась в них даже не сейчас, а много раньше. Правы эти пришлые из будущего — выродилось племя партийцев. Да вы присядьте...

Константин Устинович Черненко осторожно примостился на край стула, взирая по-прежнему вопросительно. В последнее время они с Андроповым стали лучше друг друга понимать, можно сказать, что сблизились, порой перескакивая с «вы» на ты».

Этот разговор еще будет иметь продолжение.

Москва. Кремль

Когда-то он был спринтером в забеге с препятствиями.

Взявший такой непростой старт спортсмен поначалу держал прекрасный темп, но призрачный финиш по-прежнему оставался где-то в недоступной дали. Появилась усталость в мышцах, сбилось дыхание.

Вскоре перейдя на трусцу, уже не веря в себя самого, он вышагивал скорей по инерции... так же, как и страна, затянутая в рутину быта, потеряв в него веру — в социализм.

А уж тот далекий, призрачный, как любая мечта, а потому и вовсе недоступный «коммунизм» остался в головах лишь недоуменным символом.

Люди со свойственной им косностью, привыкнув к хорошему, это хорошее не замечали, извечно ругали плохое, посмеиваясь на кухнях над нелепым (а не над собой ли?). Тем не менее юмор, помимо тривиального и классического, обязательно вымещался на политической «голове», так как именно оттуда по «рыбным заветам» появлялся первый тухлый запашок.

Еще в ходу и свежи были анекдоты про уже почти прощенного в своей жалкости и смерти Брежнева...

А теперь вот новый, но тоже далеко не свежий генсек... и окружение на трибуне мавзолея неизменно.

Так может, они и олицетворяют его — этот охромевший, спотыкающийся с одышкой «социализм»? Они — «кремлевские старцы»?

* * *

Ездить на участвовавшие медицинские профилактики в Центральную кунцевскую больницу Андропов считал излишней тратой времени, обходясь посещениями главной «кремлевки» на Калинина. Сюда же всегда мог быстро прибыть порученец с какими-нибудь срочными документами, и генсек прочитывал их прямо под капельницей.

Юрий Владимирович в эти августовские дни неожиданно бодрился, словно на втором дыхании. Приглядывающие за ним врачи, пожалуй, даже лучше знающие физическое состояние тела, нежели сам хозяин, уж привыкший к постоянным скрипам своего «механизма», только беспокойно перебирали показания анализов, констатируя — вместо обычного осеннего обострения неожиданная рецессия. Уж не перед финальным ли кризисом?

А главный пациент страны вставал с кушетки и сурово, без тени усмешки (еще бы, после, надо сказать, весьма мучительных процедур гемодиализа¹) отшучивался:

— Я знаю свой срок. И последние полгода лежать пластом полутрупом не намерен. Чем долго и нудно долгевать угольком, лучше уж быстро порохом догореть, а то и вовсе... вспыхнуть сверхновой, сгорая жизнью без остатка.

И сейчас спешил надеть рубашку, поправив галстук, выходя из палаты, уже на ходу застегивая пуговицы поданного пиджака... только что на ногах еще оставались кожаные домашние тапочки — дошлепать до отстоящих ближе к коридору туфель и застывшего спецкурьера с портфелем.

В этот раз был доклад из КГБ от Крючкова — тесные служебные контакты с генерал-лейтенантом, особенно

¹ Гемодиализ — метод внепочечного очищения крови.

сейчас в связи с делом «крейсера из будущего», переросли в особо доверенные отношения.

Читал уже в автомобиле, досматривая по приходе в кабинет.

На фоне борьбы с коррупцией и особенно развернувшейся «чистки» в рядах аппарата МВД, когда следующим этапом шли «замазанные» во взятках и хищениях ответственные работники номенклатуры, политический разгром со ссылкой в тмутаракань некоего члена Совета Союза Б. Н. Ельцина прошел практически незамеченным. Как и освобождение с занимаемых должностей за несоответствие или злоупотребление служебным положением других кандидатов и партийных деятелей. А также ряда «непартийных», казалось бы, совсем малоизвестных (сейчас малоизвестных) граждан-товарищей.

Мнение о Горбачеве изменилось, как обрезало. Это мнение разделилось на «вчерашнее» и «сегодняшнее». И Юрий Владимирович ничего не мог с собой поделаться — прежние взгляды сдались перед новыми знаниями.

С Горбачевым Михаилом Сергеевичем (ни много ни мало членом Политбюро ЦК КПСС) Андропов переговорил лично, по-простому, как в бытность на Ставропольщине, чего не случалось здесь в Москве¹.

Поначалу растроганный Михаил Сергеевич «заслуживался», но в конце беседы едва сознание не потерял, когда глава руководящей партии страны исключаящим всякие возражения голосом порекомендовал «молодому соратнику» попросить отставки, якобы сославшись на здоровье, семейные обстоятельства, на что угодно.

«В стране грядут перемены, дорогой Михаил Сергеевич, — глядя в преданные масляные пуговицы-глазенки,

¹ Переведя Горбачёва на работу в столицу, Андропов прекратил всякие панибратские отношения со своим протеже, дабы исключить лишние разговоры о «любимчиках».

говорил генсек, — и в высшем партийном руководстве в том числе. Полетят головы. Вот Шеварднадзе вдруг слег с воспалением легких. Неслучайно! И чтобы ты ненароком не попал под раздачу, надо с полгодика отсидеться в стороне. Верь мне».

На самом деле Юрий Владимирович иезуитски врал.

Если и намечались радикальные мероприятия — несколько так называемых «несчастных случаев» среди весьма заметных, занимающих высокие посты и должности столичных фамилий, — то Политбюро это касалось лишь единичными персоналиями. Однако...

— Подозрения однозначно возникнут, — рубил доводами на предварительном разборе Крючков, — поэтому тратить щекотливый ресурс еще и на этого пустобреха не вижу резона. А так... поскользнется на арбузной корке в своей ставропольской глубинке.

Вообще генерал-лейтенант, ознакомившись с полными биографиями некоторых деятелей, искренне озлобился, заявив, что «недостойны эти подонки и предатели смерти от несчастного случая или сердечной недостаточности». Собственно, и Ельцина просто так не хотел отпустить, мотивируя:

— Я не поленился, после просмотра хроники «девяностых», где «гастролирует» пьяный ЕБН (вот уж наградила родословная инициалами), ради интереса повстречался, поглядел на него — очень энергичный мордатый тип. И вдруг подумалось мне: а если... Ну, вот мало ли — вылезет эта сволочь на сточно-канализационной волне демократии, объявив себя жертвой репрессий.

— Что предлагаешь?

— Загнулся с перепоею, например. Нет трудности посадить его «на стакан» — дескать, спился, сломленный карьерными неудачами. Зато какое милосердие, — сказал, точно сплюнул, — умрет пьяным и счастливым, понима-а-ашь... А на Горбачева и других, всех кто тут

по списку... найти за ними грязные делишки уже сейчас можно с лихвой! Нет? Всегда можно сфабриковать! Предъявить обвинения, вызвать на партийный, а там и на уголовный суд!

— Нет пока за ними ничего особого... сейчас, что Ельцин, судя по характеристикам, что Горбачев — молодые, подающие надежды... — медленно, словно нехотя, вывел Андропов. Видел, как вытянулось в непонимании лицо генерала, поспешив уточнить: — Нет, я не оправдываю их...

Скрепя сердце подумал: «Я не оправдываю нас — высшее партийное руководство. Себя. Шаг за шагом следуя в брежневском кильватере, боясь перемен, мы подвели страну к пропасти. Понимали, видели это... еще вчера. Но я вот вчера до конца в это так и не верил. А уже сегодня это свершившаяся где-то данность».

Подобрать компромат и засудить недавнего ставропольского крайкомовского секретаря Андропов остерегался — тот знал некоторые, пусть и неявные, но неприятные факты, которые Горбачев, будучи «утопленником, схватившимся за соломинку», мог огласить. Да и... ну, вот никак не мог Юрий Владимирович допустить столь полной дискредитации партии и руководства советского правительства. В первую очередь, видя собственную вину, являясь частью системы. И не важно, что он лично «хотел как лучше, а получилось, как всегда».

«Откуда у меня вдруг выскочила эту глупая фраза? В голове в последнее время от наплыва всего так перемешалось, что черт ногу сломит».

Все навалившиеся проблемы самому охватить, разумеется, было немислимо. Так, например, собранные из дня вчерашнего, сегодняшнего и опыта грядущих удачных экономик уже такие знакомые и совместимые понятия, как «социализм с человеческим лицом», «югослав-

ская модель экономики... венгерская», «полурыночное построение Китая и Вьетнама», рассматривались специальной комиссией по преобразованиям и реформам.

И здесь, перекладывая чужой опыт на реалии и масштабы СССР (с его пятнадцатью национальными республиками и огромными пространствами), предполагалась более сложная организация хозяйствования.

Любое реформирование экономики нужно было тщательно проработать, апробировать на второстепенных отраслях и уж затем внедрять повсеместно. За исключением ВПК и других стратегических направлений промышленности.

«Если СССР как монолит, как глыба оказался неповоротлив, — озвучивал на одном из таких консилиумов председатель комиссии, — не стоит ли создать более гибкую систему, подобно тому, как строят дома в сейсмоопасных районах?»

«Такая гибкость подразумевает рынок! Но здесь таится уже известная опасность, — понимая архиважность перемен, Андропов все же опасался круто толкнуть машину государства на новый курс — инерция могла опрокинуть все! Все могло повториться, как уже в описываемой пришельцами хронологии, ввергнув страну в хаос затяжного переходного периода, напрочь разрушив имеемый какой-никакой стабильный социально-политический строй, создав нечто непотребное, приведя к власти негодяев. Уберем этих известных, придут другие — их замы или еще кто звеном ниже... вообще новые, неизвестные фамилии. Что тогда?»

А вдруг просто время такое наступило нам катиться в пропасть — исторически предопределенный упадок и разрушение империи? И люди, слабые и даже сильные, попросту курвились один за другим!

Тогда чем будут лучше другие? Заводить на всех “дело”, как советует Крючков, чтобы держать в кулаке?

Это порочная практика. Кто будет держать, кто будет кулаком?

Интересно, какие компроматы будет выдумывать генерал-лейтенант, если у них там, в будущем, даже педерастия не грех?»

Еще раз просмотрев первые листы доклада (самое важное и ключевое всегда подавалось в начале), Юрий Владимирович протянул руку к телефонному аппарату прямой связи с Черненко. На ответное «слушаю» извещил:

— Я на рабочем месте.

— Знаю. Сейчас зайду.

Положив основательную, цвета слоновой кости, трубку на рычаги, снова погрузился в документы.

«А вот административно-территориальную реформу с упразднением республик и введением так называемых (на старый манер) губерний, м-нэ... пожалуй, сейчас об этом заикаться преждевременно. Как преждевременно любое перекраивание внутренних границ. Либо сделать это кулуарно, в бумагах, избежав большой огласки.

По сегодняшнему докладу Крючкова — партийный и руководящий улей заметно растревожен. Об этом доносит и прослушка. Не всем нравится “андроповская метла” (окрестили уже)».

Каким-то образом распространились слухи-анекдоты о «корабле-призраке» и чуть ли не о его фантастическом происхождении... до тех уровней, которым знать о том и вовсе не положено.

Пришлось выкручиваться — все дело представлено как специальная операция флота в целях дезинформации вероятного противника.

«А дела военных это дела военных. Здесь ни Верховный Совет, ни секретариат ЦК всего знать не могут и не должны».

Политбюро? Полную информацию из будущего, касающуюся особо трагичных фактов Страны Советов, доводить до всех членов Политбюро тоже было бы пока неосмотрительно и опрометчиво.

* * *

— Вы, Константин Устинович, как Зевс!

— А?.. — даже растерялся Черненко, смущенно замешкавшись у входа.

— Да как вошли, так и загрохотало. Дождь с грозой обещали еще с утра. Слышите?

За окном как раз снова загремело, отголосило раскатом, первые капли тяжелыми шлепками упали на подоконник, потом забарабанили по стеклу, а всего через минуту ливень буквально обрушился на посеревшую, потерявшую очертания Москву.

Андропов для пущей атмосферы доверительности вышел из-за рабочего места, пригласив гостя присесть рядом за длинный стол для совещаний.

Уж потом, после того, как были обрисованы основные вопросы, а также первые решения по ним, не выдержав, подошел к окну:

— Люблю дождь... под него читать, думать, спать...

— И под стук вагонных колес, — поддакнул Черненко. Впрочем, отвлекаться от основной темы не стал, задав неприятный вопрос: — Вправе ли мы наказывать за еще не совершенное? С Шеварднадзе, по-моему, ты совсем жестко. А если вскроется?

— Врачи его смотрят, какие надо. Инфекцию никто не выявит. А от воспаления легких, если болезнь дала осложнения, порой и умирают. Ты, Константин Устинович, говоришь «жестко». Но с предателями... с явными предателями, такими, как, например, полковник Калугин или Гордиевский, с этими все понятно. А другие,

которые дали слабину, которых завербовали позже? Не считать их виновными? Полагаю, что и Шеварднадзе входит в эту же когорту — достаточно того, что он неизвестно по каким причинам уступил американцам часть акватории Берингова моря. За это уже следует...

Андропов не договорил, задышав, будто от недостатка воздуха или от негодования:

— ...так пограть интересы страны. Но здесь мне видится иная подоплека. Здесь заложены мины скрытого и замедленного действия, которые и детонировали там(!) в девяносто первом году. Вот именно поэтому я не до конца и не все доверил тому же Алиеву. Теперь мы должны смотреть на нынешних соратников по партии через знание будущего. Вот именно от этого я и строю свою паранойю, зная, как проявят себя на волне сепаратизма осевшие в своих феодальных вотчинах национальные кадры. Именно этим я объясняю свой категорический приказ: «с социальной и политической информацией от пришельцев должны работать сотрудники, исключительно принадлежащие к коренной русской национальности. Ни прибалты, ни кавказцы, ни тюрки! Ни даже украинцы.

Всякие сведения о распаде Советского Союза и образовании независимых государств из бывших республик СССР ни в коем случае не должны питать сепаратистские мечты националистов! Потому как нет никакой гарантии, что сегодняшний честный ленинец и советский человек назавтра не воскричит о нэзалэжности. Ты знаешь мои разногласия с Федорчуком по поводу русского и украинского национализма. Но выходит, что Виталий Васильевич прав¹.

¹ Федорчук В. В. двенадцать лет возглавлял КГБ Украины, не понаслышке знал о проблемах прогрессирующего украинского национализма.